

«Жизнь за царя» г. Глинки отличается чрезвычайной оригинальностью; это первое их художественное произведение, в котором нет ничего подражательного. Ученость облечена в нем в форму такую простую и доступную. Как поэма и музыка это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне; в этой музыке слышится такое полное выражение русской ненависти и любви, горя и радости, полного мрака и сияющей зари. Это сперва такая горькая жалоба, потом гимн искупления такой гордый и торжествующий, что каждый крестьянин, перенесенный из своей избы в театр, был бы тронут до глубины сердца. Это более чем опера, это национальная эпопея, это лирическая драма, возведенная на благородную высоту своего первоначального назначения, когда она была еще не легкомысленной забавой, а обрядом патристическим и религиозным. Хотя я и иностранец, но я всегда присутствую на этих спектаклях с живыми и сочувственными переживаниями.

ГЕКТОР БЕРЛИСЗ

МИШЕЛЬ ГЛИНКА

Мишель де Глинка, которого имя и талант в первый раз сделались известными парижанам, по двум произведениям его, исполненным в нашем концерте в Олимпийском цирке, уже пользуется в России заслуженною славою. Принадлежа к фамилии благородной и богатой, он сначала не назначал себя в музыканты. Он воспитывался в С.-Петербургском университете, но успехи его по всем частям преподавания, в науках, в древних и новейших языках, никогда не отвращали его от любимого занятия — музыкою. Он никогда не думал воздавать музыке поклонения крестного: этому противились и наклонности его, далекие от всяких спекуляций и расчетов, и его общественное положение. Таким образом молодой музыкант был в самом благоприятном положении для того, чтобы тщательно и всеми возможными средствами развить счастливые способности, которыми одарила его природа. В таких же обстоятельствах возвысились Мейербер, Мендельсон, Онслоу. Посреди занятий своих композицией, Глинка не пренебрегал и практическим изучением инструментов, и в несколько лет сделался весьма искусным исполнителем на фортепиано и освоился со скрипкою, благодаря превосходным урокам петербургских артистов с отличными достоинствами, Карла Майера и Бёма. Принужденный, по русскому обычаю, вступить в службу, он ни на минуту не забывал истинного своего назначения, и, несмотря на его молодость, имя его вскоре сделалось известным и народным по многим произведениям, исполненным прелести и оригинальности. Но, намереваясь приступить к роду более важному и возвышенному, он почувствовал необходимость совершить путешествие и новыми впечатлениями придать своему таланту силу и обширность, которых ему еще недоставало. Он вышел в отставку и отправился в Италию с тенором Ивановым, который обязан его просвещенной дружбе частию своего музыкального образования. В это время, то живя в Милане или на берегах озера Комо, то путешествуя по другим частям Италии, Глинка писал всего более для своего любимого инструмента, фортепиано, и каталоги его миланского издателя, Рикорди, доказывают деятельность и разнообразие

чере у Верне несколько русских песен его сочинения, восхитительно исполненных Ивановым; они поразили меня прелестною мелодиею, совершенно отличною от всего, что я слышал дотолѣ. Пробыв три года в Италии, он отправился в Германию. В Берлине особенно, под руководством ученаго теоретика Дена, глубоко изучил он гармонию и контрапункт. Строгие, добросовѣстные занятия во время этого путешествия вполне ознакомили его со всеми пособиями искусства, и он воротился в Россию с мыслию о русской оперѣ, в стилѣ национальных песен, мыслию, которая уже давно занимала его. Он деятельно принялся за партитуру, которой либретто, написанное под его влиянием, составлено так, чтобы выставить самыя характеристическія черты музыкальнаго чувства русских¹. Эта партитура, из которой мы еще на-днях слышали прелестную каватину, называется «Жизнь за царя». Сюжет пьесы заимствован из исторіи войн за независимость в началѣ семнадцатаго столѣтія. Это произведение, истинно национальное, имело блистательный успѣх; но независимо от всякаго патриотическаго пристрастія, достоинство ее очевидно, и Анри Мериме, в одном из своих писем о России, напечатанных с год назад, весьма справедливо сказал, что композитор превосходно постиг и передал все, что есть поэтическаго в этом творении, вместе простом и патетическом. «Жизнь за царя» имела в Москвѣ такой же успѣх, как и в Петербургѣ. Тогда Глинка удостоился милости, какой музыкант в его лета не мог надеяться: император наименовал его капельмейстером Придворной певческой капеллы².

Надобно сказать, что Придворная певческая капелла в России — нечто дивное, о чем мы, по отзыву всех итальянских, германских и французских артистов, которые ее слышали, можем составить себе только весьма несовершенное представление. Еще в прошлом году Адан, воротившись из Петербурга, напечатал рассказ о необычайном впечатленіи, произведенном на него этим дивным вокальным оркестром. Другіе артисты, которые вполне в состояніи судить о подобном учрежденіи, говорят то же самое. Теперь уже не подлежит сомнѣнію, что если оркестр Парижской консерваторіи выше всех других известных оркестров, то хор певчих російскаго императорскаго двора еще выше стоит над всеми хорами, которые существуют ныне где бы то ни было. Он состоит из сотни мужских и детских голосов, которые поют без аккомпанеента. Русская церковь, как вообще восточная церковь, не допускает ни женских голосов, ни органа и никаких инструментов. Эти певцы набираются преимущественно в южных провинціях Имперіи: голоса их имеют превосходный тембр и обширность, особенно в басах, почти неимоверную. Иванов принадлежал к этому хору, и я помню, что когда в Римѣ хвалили его голос, он скромно отвечал, что в числѣ придворных певчих есть несколько теноров, гораздо обширнее, сильнее и чище, чем у него. Низкіе голоса разделяются там на басы и контрбасы и послѣдніе без усилія и с изумительною полнотою звука спускаются до контр-la *béno!* (низшей терціи нижнего *ut* виолончеля), что, позволяя удваивать основныя ноты гармоніи октавами, придает целому мягкость, неизвѣстную в наших вокальных массах, и делают из этого хора род человѣческаго выразительнаго органа, котораго величіе и дѣйствіе на нервную систему восприимчивых слушателей невыразимо. Глинка ездил в Украину, чтобы набирать для Придворной ка-

их с толку, играя им на скрипке самые странные интервалы, самые необыкновенные последования звуков, наименее доступные человеческому голосу³.

Через три или четыре года Глинка, по причине своего расстроенного здоровья, решил просить увольнения от должности и снова отправиться за границу. Придворная капелла, которую он оставил в блестящем положении, еще улучшилась в последнее время, под превосходным управлением генерала Львова, скрипача и композитора с большими дарованиями, одного из отличнейших любителей, можно сказать, даже артистов, какие только есть в России и которого сочинения мне часто хвалили во время пребывания моего в Берлине.

Перед отъездом своим, Глинка поставил на сцену вторую оперу («Руслан и Людмила»), которой сюжет заимствован из поэмы Пушкина. Это творение, характера фантастического и полувосточного, так сказать, действительно внушенного Гофманом и «Тысяча и одной ночью»⁴, до такой степени отлично от «Жизни за царя», что как будто писано другим композитором. Талант автора является тут более зрелым и могущественным. «Руслан» есть, бесспорно, шаг вперед, новый фазис в музыкальном развитии Глинки.

В первой его опере, посреди мелодий, запечатленных национальным колоритом, столь свежим и столь истинным, заметно особенно влияние Италии; во второй, по важности роли, которую играет оркестр, по красоте гармонической ткани, по учености инструментовки, заметно, напротив, влияние Германии. Многочисленные представления «Руслана и Людмилы» доказывают, что эта опера имела действительный успех, даже и после совершенно народного успеха «Жизни за царя». В числе артистов, которые первые отдали полную справедливость красотам новой партии, надобно упомянуть о Листе и Гензельте: оба переложили на фортепиано и варьировали некоторые из ее самых занимательных мотивов⁵. Талант Глинки отличается необычайными гибкостью и разнообразием; стиль его, по редкому преимуществу, преобразуется по воле композитора, сообразно с требованиями и характером сюжета, который он обрабатывает. Он делается простым и даже наивным, никогда не унижаясь до употребления пошлых оборотов. В мелодиях его являются звуки неожиданные, периоды прелестно-странные. Он великий гармонист и пишет партии инструментов с такою тщательностью, с таким глубоким знанием их самых тайных средств, что его оркестр один из самых новых, самых живых оркестров в наше время. Публика была совершенно того же мнения в концерте, который Глинка давал в минувший четверг в зале Герца⁶. Внезапная болезнь г-жи Соловьевой, петербургской певицы, которая занимала главные роли в операх русского композитора, не позволила исполнить вокальные номера, означенные в программе; его Scherzo в виде вальса⁷ и «Краковяк» заслужили громкие рукоплескания блистательного собрания; и если его фантастический марш из «Руслана и Людмилы» не произвел столь сильного впечатления, то это произошло от слишком скорого заключения этого марша, которого Coda поворачивается так круто, оканчивается таким неожиданным, таким лаконическим образом, что надобно видеть, что оркестр перестал играть, а без того не верится, что композитор на этом и остановился. Scherzo увлекательно, исполнено самого поразительного ритмического кокетства, истинно ново и превосходно

ГЕКТОР БЕРЛИОЗ

развито. Краковяк и марш также отличаются в особенности оригинальностью мелодического стиля. Это достоинство чрезвычайно редкое; и если композитор присоединяет к нему и другие качества — изящную гармонию, прекрасную, чистую, красочную оркестровку, то он по справедливости может требовать места в числе превосходнейших композиторов нашего времени. Таков и автор «Руслана и Людмилы».

О⁸.

Н. И. ГРЕЧ

ИЗ „ПАРИЖСКИХ ПИСЕМ“

Михайло Иванович Глинка провел здесь зиму, пользуясь пособием здешних врачей для укрепления своего здоровья, но вряд ли не придется ему искать другого климата, теплее и благотвореннее здешнего. Он принят здесь с уважением, должным его великому таланту, и по просьбе знатоков и любителей музыки, согласился принять участие в огромном концерте Берлиоза, данном в прошедшее воскресенье, 4/16 марта, в здании цирка в Елисейских полях. Цирк этот служит в летние месяцы поприщем подвигов Франкони и его труппы, а зимою дают в нем большие концерты. Здание прекрасное и величественное. Сцена или оркестр находятся в середине круга, и во все стороны поднимаются от нее скамьи на ступенях, как в древнем амфитеатре. Отовсюду очень хорошо видно и слышно. Декорация залы великолепная. Концерт происходил днем, но зала была ярко освещена газом. После увертюры, исполненной двумястами искусных музыкантов, вышла на сцену старая наша знакомка, г-жа Соловьева, и раздались звуки ригурнеля арии «В поле чистое гляжу», из «Жизни за царя». В самом начале она было оробела, но потом собралась с духом и исполнила арию, как не певала ее никогда прежде. Восторг слушателей был общий и громогласный. Прелесть оригинальной выразительной мелодии увлекла публику. После отрывка из оратории самого Берлиоза оркестр исполнил Лезгинку (из «Руслана»), которая произвела не меньшее действие, но в другом отношении: кавказская мелодия, чуждая европейскому слуху, но не варварская, своя нравная, но не противоречащая музыкальному чувству, изумила парижан. «C'est sauvage, mais c'est beau!» * восклицали они, хлопая изо всей мочи. По причине ужаснейшей непогоды, свирепствовавшей во весь тот день, цирк не был полон, следственно, молва о новых, не слыханных дотоле в Париже произведениях музыки, не могла распространиться во всей публике; но истинные знатоки с удовольствием отдавали справедливость г. Глинке, и даже на репетициях музыканты (редко отдающие пальму первенства сопернику-иностранцу) усердно ему рукоплескали. — Здесь г. Глинка не написал ничего: авось-либо струны его арфы отзовутся на веяние зефиров полуденного неба.

*

...На прошедшей неделе М. И. Глинка дал блистательный концерт в пользу благотворительного музыкального общества. Просторная зала Герца была наполнена слушателями всех наций. Мне казалось, что я сижу в нашей филармонической зале: все говорят по-французски, и только у некоторых изредка вырываются невзначай русские фразы. — Концерт открылся увертюрою «Семирамиды»: она была исполнена оркестром Итальянской оперы с большим искусством; мне почудилось,

* Это дико, но это прекрасно (франц.)